

Екатерина ПАНЬО

ИМЕНА ЛЬДА

Лед — одно из самых распространенных твердых тел на земной поверхности (около 30 млн. км³). В природе встречается множество видов льда разного возраста. Срок существования одних видов измеряется часами, возраст других — сотнями тысяч лет.

Wikipedia

— Вставай, Ял. Сегодня нам надо дойти до холмов.

Ял едва не застонал — так ему не хотелось просыпаться, открывать глаза, подниматься и куда-то идти. Но слово «холмы» прозвучало так неожиданно, что он непроизвольно приподнялся и разлепил веки.

Уайяла стоял в шаге от него и смотрел вдаль. На холмы, маячившие на горизонте. Ял захныкал и снова уронил голову — прямо в сугроб, который еще минуту назад был его подушкой. Льдинки укололи щеку, Ял дернул головой и сел. Одеядо треснуло, распалось на крупные лоскутки и осыпалось с плеч и груди. Ял похлопал по остаткам одеяла, превращая их в ледяное крошево.

Сон окончен. Постель исчезла. Зато вдали появились холмы, которых еще вчера, когда он ложился спать, не было в помине. Вчера они с Уайялой шли вдоль линии прибоя, по колено проваливаясь в мелкий зыбучий песок. Ветер дул немилосердно, перемешивая песчинки с солеными каплями, горстями кидал эту смесь Ялу в лицо, она впивалась в кожу сотней иголок и немедленно схватывалась коркой. Вечером они кое-как спрятались от ветра под дюной. Пока Уайяла готовил ужин, Ял наблюдал, как рядом с их лагерем растет новая дюна, и думал, что до утра их наверняка заметет с головой.

Утром вокруг не оказалось ни дюн, ни океана.

Зато появились холмы.

Уайяла присел и набрал полную пригоршню льда.

— Сегодня дойдем до холмов, — повторил он.

— Зачем? — спросил Ял.

Уайяла посмотрел на него.

— Мне казалось, ты ищешь свой мир.

Я пожал плечами.

— Моего мира здесь нет, — сказал он. — Уж точно его нет за холмами, которые появились откуда ни возьмись за одну ночь.

Уайяла снова занялся приготовлением завтрака. Лед в его руках становился мягким, лепился в комок, похожий на снежок, но гораздо пластичнее. Уайяла мельком поглядывал на Яла. Потом возвращался к своей работе и ком в его руках приобретал цвет — сначала это напоминало россыпь цветных искр, потом хаотичный набор геометрических фигур с разными оттенками одного цвета, потом цвет становился ровным, а сам ком приобретал форму. Три-четыре минуты Уайялового колдовства, и перед Ялом стояла тарелка с омлетом и ломтем хлеба. Пока Ял сооружал из омлета и хлеба бутерброд, Уайяла успел вылепить чашку горячего чая. И они приступили к еде — Ял поглощал бутерброд с чаем, а Уайяла набрал пригоршню ледяных крошек, зарылся в них лицом, вдохнул, а потом запрокинул голову и закрыл глаза.

— Зачем нам идти к холмам? — спросил Ял, когда с едой было покончено.

Вокруг них лежал ровный слой свежей ледяной крошки — все, что осталось от их лагеря. Крошка скоро слежится и превратится в твердый панцирь, каким покрыто все вокруг, вся земля, весь мир Уайялы.

— В твоём мире есть холмы, — ответил Уайяла.

— Но не эти, — сказал Ял. — Это не мой мир. Здесь не может быть моих холмов.

Уайяла повернул голову и уставился Ялу в переносицу. Его взгляд был таким же ледяным, как и все вокруг — он ничего не выражал. Но Ял уже давно знал Уайялу и научился угадывать, что кроется за каждым его взглядом. Сейчас это было, пожалуй, удивление.

— Здесь не может быть и моих холмов, — сказал, наконец, Уайяла. — В моём мире нет холмов. Я никогда раньше не знал, что они существуют. Значит, это твои.

Ял поднялся. Уайяла сказал «сегодня». Холмы маячили где-то на горизонте — Ял затруднялся определить расстояние на глаз. Хорошо хоть лед больше не изображал зыбучий песок и казался, скорее, задубелой от мороза землей. Впрочем, определять расстояние на глазок в ледяном мире бессмысленно. Уайяла прав — они достигнут подножья холмов к вечеру. Вернее, вечер не наступит, пока они не подойдут к холмам. Случится это, как и вчера, только тогда, когда он, Ял, будет валиться с ног. Так случалось всегда, когда Уайяла устраивал походы.

— В холмах мы остановимся, — сказал Уайяла.

— Надолго?

Уайяла покачал головой.

— Не знаю, сколько нам потребуется времени.

Ял вздохнул и постарался прибавить шагу — Уайяла не любил, когда он отставал. Он уже не хотел поскорее добраться до холмов. Как бы он не устал от похода по изменчивой, но в то же время страшно однообразной ледяной пустыне, сидеть на одном месте ему совершенно не улыбалось. Лучше выбиваться из сил, продвигаясь к какой-то видимой цели, чем день за днем выполнять бессмысленные задания, отвечать на одинаковые вопросы и изводиться от ожидания. Он не мог сказать, чего ждет. Скорее всего, это даже не было его ожиданием — чего-то ждал Уайяла. Когда ожидание становилось совершенно невыносимым, Уайяла уходил — не говоря ни слова, просто вставал со своего ледяного кресла и шел прочь, оставляя Яла одного. Тогда Ялу становилось полегче — он, по крайней мере, твердо знал, чего ждет. Возвращения Уайялы.

Однажды Уайяла не вернулся — и Ял пережил три дня и три ночи настоящего страха. В то время они жили в лесу — это была очень долгая остановка. Ялу начинало казаться, что он никогда в жизни не видел ничего, кроме этого леса. Уайялы не было пять дней — потом Ял перестал считать, потому что подсчеты приводили его в ужас. Когда Уайяла уходил, дни для Яла принимались лететь с огромной скоростью. Страх пришел, когда закончились оставленные Уайялой припасы. Через три дня, которые тянулись до странности долго, Ял двинулся на поиски. Ему казалось, что он знает лес, но, пройдя едва три-четыре километра, он понял, что заблудился. Он не мог найти не только Уайялу, но и дороги обратно. Лес, казавшийся ему детской комнатой, в крайнем случае — небольшим домом, на самом деле оказался огромен, целая Вселенная была лесом: гладкие ледяные стволы, хрупкие сосульки-колючки, лоскутки инея-мха на ледяных глыбах — и так без конца. Он мог преодолеть сто километров или всего десять шагов — и не заметить ни малейших изменений.

Ял заметался. Потом попробовал успокоиться и идти только вперед в надежде, что куда-нибудь выйдет — самый огромный лес, даже если он размером со Вселенную, должен где-то заканчиваться.

Но лес не заканчивался. Не заканчивался и день. Ял, чтобы убедить себя, что он на самом деле куда-то движется, принялся считать шаги. Несколько раз он сбивался — числа после миллиона оказывались неповоротливыми, застревали в горле и не поспевали за шагами. Тогда Ял начинал сначала. Потом он просто сел на землю, привалился спиной к ледяному стволу — и разве что слегка удивился, что день все еще не заканчивается, не сменяется ночью и следующим днем. Обычно в их путешествиях с

Уайялой так случилось, когда он выбивался из сил. Теперь же он так устал, что не чувствовал, как впиваются в спину ледяные сучки. К тому же он был так голоден, что пробовал просто жевать лед. Он впал в забытие. Появившийся откуда ни возьмись Уайяла показался ему сначала бредовым видением.

Потом они жили еще несколько дней в лесной хижине. Уайяла больше не уходил. Он сидел рядом с Ялом и часами не сводил с него глаз.

— Ты едва не умер с голоду, — сказал он. — Почему ты не приготовил себе еды?

— Из чего? — спросил Ял.

— Из чего угодно. Все вокруг тебя может стать тем, что тебе нужно.

Ял это знал. Он видел, как легко это удается Уайяле — провести рукой по глыбе льда, превратив ее в крупу или в гору мелких осколков, взять подходящий кусочек и вылепить из него отбивную, например. У Яла так не получалось, сколько он не пробовал.

— У меня нет способностей, — пояснил он. — Ты волшебник, а я нет.

— Волшебник?

— Человек, который может что угодно превратить во что угодно.

Уайяла задумался.

— Я не волшебник, — сказал он. — Я не могу что угодно превратить во что угодно.

— Можешь. Я сам видел.

— Я могу только...

Он произнес слово, которого Ял не понял. Поэтому следующие несколько дней Уайяла обучал его этим словам. Все они были — лед. Он был разным — Ял выучил около ста только основных разновидностей и состояний льда. И лишь в одном лед был одинаков — Уайяла всегда говорил о нем «я».

— Почему ты говоришь про лед — я? — спросил его Ял.

— Потому что лед — это я, — ответил Уайяла.

— Весь этот лед? — спросил Ял, разведя руки в стороны. — Весь-весь лед в мире?

Уайяла кивнул.

— И тот, который от нас в ста километрах? — не унимался Ял.

— И тот, который в ста километрах, и тот, который тысячу лет назад, — отвечал Уайяла. — Весь лед — это я.

Ял не спал ночь. Наутро, глядя, как Уайяла лепит из ледяной крупки яичницу с беконом, он спросил:

— Поэтому ты можешь преобразовывать лед? Потому что он — это ты? Он просто слушается тебя, как себя?

— Он не слушается меня, — ответил Уайяла и поставил на стол тарелку, над которой поднимался аппетитно пахнущий пар. — Достаточно что-то немного изменить в себе — и что-то непременно поменяется в мире. Надо только знать, что, как и когда поменять.

Ял принялся уплетать яичницу. Уайяла превосходно готовил — как раз так, как ему, Ялу, нравилось.

— Тебе следует этому поучиться, — сказал Уайяла.

Он поставил на стол только что сотворенную чашку с горячим шоколадом и вышел из хижины — завтракать.

Следующие несколько дней Ял пытался научиться колдовать. Все усилия, как и прежде, оказались напрасны — лед его не слушался.

— У меня никогда не получится, — воскликнул он в отчаянии. — Я просто не способен на это!

Уайяла покачал головой и ком, который держал в руках Ял, вытянулся, окрасился и превратился в сочную морковку.

— Тебе надо прилежнее работать, — сказал Уайяла.

— Мне нет смысла работать, — отвечал Ял — он в сердцах отшвырнул морковку, и та побелела и рассыпалась на тысячи осколков. — Я бьюсь над этим льдом — как рыба об лед.

— Вот именно. Ты бьешься надо льдом. А надо работать над собой.

— То, что ты говоришь, совершенно лишено смысла, — говорил ему Ял. — Ты лед, а я нет. Тебе имеет смысл работать над собой, чтобы менять лед, а мне — нет.

Уайяла снова долго-долго смотрел на него — и Ял затруднялся истолковать этот взгляд. Он склонялся к тому, что в нем — разочарование. Или даже гнев. Поэтому, когда Уайяла заговорил, он вздрогнул. Но голос прозвучал неожиданно мягко.

— Ты сказал — как рыба об лед. В твоём мире есть лед?

Ял кивнул.

— Расскажи мне о нём. Его можно преобразовывать?

— Лед — это белый прозрачный кристалл, — сказал Ял. — Он твердый и холодный. В некотором смысле его легко преобразовать — можно делать из него ледяные фигуры, можно раздавить его каблуком, можно растопить и превратить в воду, а потом — в пар.

— Лед — это вода?

— В общем, да.

Уайяла покачал головой.

— Никогда не думал о себе, как о воде, — признался он.

— Ну, лед, это не совсем вода — вода становится льдом, только когда холодно.

— Холодно? — переспросил Уайяла. — Что значит — холодно?

Ял пожал плечами. Он не знал, как объяснить Уайяле, что такое холод. В мире Уайялы не было ни холода, ни тепла — Ял вообще не замечал температуры. Даже когда приходилось идти долго и быстро, ему не становилось жарко, а когда Уайяла накрывал его одеялом, созданным из тонкой пластинки льда, он не мерз. Самым удивительным в ледяном мире Уайялы было то, что он не был холодным. Может, именно потому, что сам Уайяла не знал, что такое холод.

— Не знаю, как объяснить, — признался Ял. — В ледяной пустыне в моем мире я бы уже давным-давно замерз до смерти.

— А здесь тебе не холодно? — спросил Уайяла.

Ял покачал головой.

— Может, это какой-то другой лед, — предположил Уайяла.

Чем бы ни был этот лед, он, Ял, ничего не мог с ним сделать. Он был совершенно беспомощным в этом мире и мог надеяться только на Уайялу.

Они шли уже полдня — по ощущению Яла — но холмы и не думали приближаться. Ял уже привык к этим фокусам. Ледяной мир жил по своим законам и отмерял время и расстояние так, как ему было угодно. Возможно, это каким-то образом зависело от Уайялы — Ял перестал его спрашивать после того, как понял, что сам никогда не научится преобразовывать лед. Пока Уайяла с ним — ему все равно. А Уайяла был с ним всегда. С того момента, когда подобрал его в ледяной пустыне, куда Ял попал неизвестно как и откуда. Он ничего не помнил толком — отдельные слова, какие-то строки неизвестно из каких книг или, может быть, песен. Помнил еще что-то, но совсем уже смутно — будто и не помнил вовсе, а сам придумал — чьи-то теплые руки, собственный хохот, боль в растянутой лодыжке. Эти воспоминания его сильно мучили первое время — когда Уайяла, неизвестно откуда взявшийся в пустыне, отпаивал его чем-то отвратительным, отдаленно напоминавшим чай. И сам Уайяла был страшен — хотя теперь Ял готов был списать это на свое полубредовое состояние — у него то появлялась лишняя пара рук, то губы шевелились совсем не в лад и не в такт с произносимыми словами, то глаза перемещались вокруг головы. По мере выздоровления Яла тело Уайялы становилось все более человеческим. Только кожа имела оттенок мутного стекла, глаза напоминали льдинки, волосы были похожи на пучок травы, густо покрытой сероватым инеем.

— Привал, — объявил Ял и повалился на твердый ледяной панцирь.

Ноги у него гудели, в висках стучало. Ему отчего-то было здорово не по себе — не просто усталость, что-то тяжело ныло под ребрами и сердце раз за разом пропускало удар. Ял перевел дух и оглянулся на Уайялу. Тот стоял на коленках посреди сугроба и топил лед в прозрачной бутылке. Кристаллы таяли, в точности как обычный лед, превращаясь в воду. Уайяла передал бутылочку Ялу. Тот отхлебнул и посмотрел на холмы — такие же далекие, как и с утра.

— Ты уверен, что до вечера доберемся? — спросил Ял — просто так, чтобы заглушить тревогу.

Уайяла не ответил. Он по-прежнему стоял на коленях в сугробе, спрятав лицо в пригоршне снега. У Яла снова нехорошо засосало под ложечкой.

— Я устал, как собака, — пожаловался он. — Почему мы с тобой все время должны куда-то идти, если ты в любой момент можешь сделать так, что эти холмы окажутся вокруг нас?

— Твой мир — мир времени и расстояний, — глухо ответил Уайяла, не отнимая рук от лица. — Ты должен идти, чтобы приблизиться.

— Ах, так это в воспитательных целях, — проворчал Ял. — Путешествия укрепляют юношу.

— Не понимаю слова, — бесстрастно произнес Уайяла. — Ты ищешь свой мир — значит, ты должен идти.

— Можно найти, не сходя с места, — отозвался Ял так же ворчливо. — Особенно, когда нечего искать.

Уайяла пожал плечами — в точности как Ял.

— Я так и делаю, — сказал он. — Но ты не умеешь преобразовывать лед.

Ял лег на спину — прямо на ледяную землю. В такие моменты он жалел, что они путешествуют налегке — была бы сумка, положил бы ее под голову. Конечно, можно попросить Уайялу сотворить подушку, перину и даже ледяной дворец. Но не хотелось. Хватит и того, что ему, Ялу, приходится зависеть от Уайялы в самом необходимом. Если бы Ял научился преобразовывать лед — вот тогда он бы дал волю воображению. Раньше, пока в нем не умерла надежда обучиться этому искусству, он часто придумывал, что сделал бы тогда. Он строил в своем воображении дома и дворцы, создавал города, по которым ездили трамваи, запряженные удивительными ледяными животными — они могли бежать по земле, а могли взвиться в воздух, перенести трамвай через реку без всяких мостов, они могли подняться выше туч и скакать прямо по звездам. В этом городе жило много людей — похожих на него и на Уайялу. Если бы он научился пре-

образовывать лед, ничто в этом мире никогда больше не напоминало бы ледяную пустыню. Они с Уайялой больше не были бы так одиноки.

— Уайяла, а где все?

Уайяла поднял голову и посмотрел на него.

— Здесь, рядом с тобой.

— Ты один на всем белом свете? — уточнил Ял.

Уайяла кивнул.

— В точности как я, — вздохнул Ял.

— Нет. Совсем не как ты, — ответил Уайяла. — Там, где я — там все мы.

— Вы?

Вместо ответа Уайяла набрал горсть ледяной крупки и медленно просеял ее между пальцами.

— Мы все становимся друг другом, — сказал он.

— Как?

Уайяла взял с вершины горки кристаллик и отправил его себе в рот. Ял снова улегся на спину. Он знал очень много о мире Уайялы. Он провел в этом мире всю жизнь — ту, которую помнил отчетливо. Ему ничего не стоило догадаться, что случилось с этим миром. Наверняка колдунов стало слишком мало, чтобы обеспечивать всех жителей этого мира пищей — и мир вымер. Остались только колдуны. Такие, как Уайяла. Наверное, если хорошо поискать — их можно найти. Но их так мало, что Уайяла, возможно, за всю свою жизнь никого так и не встретил. Может, и его, Яла, он пригрел от одиночества. На что еще ему мог понадобиться мальчишка, который ни на что не способен?

Ял покосился на Уайялу — он очень не хотел вставать и идти дальше. У него подозрительно подрагивали коленки от одной мысли об этом. Может, он заболел? Это было бы неплохо. Он заболевет, и поход окончится. Вокруг появятся стены хижины. Уайяла будет готовить чай. А он, Ял, будет лежать в кровати и читать свою книгу.

Книга была единственной вещью, которую Ял носил с собой. И она была единственной вещью, которая была не похожа на себя. Книга, которую смастерил для него Уайяла, была кристаллом с множеством граней. Читать ее было интересно, но иногда чтение превращалось в сущее наказание — стоит чуть-чуть повернуть кристалл, сместится грань и откроется совершенно новая страница, новая история, а старую уже ни за что не найти.

Ялу нравилось читать. Он не знал, кто его этому научил, откуда он знает, как складывать в слова буквы. Но он умел — и читал с большим удовольствием, потому что в этой ледяной книге не было ледяных миров. Это была книга о его, Яла, настоящем мире. О мире, в котором — он на-

верняка это знал — не бывает книг-кристаллов. И иногда Ял приходил в отчаяние от этой мысли — потому что книга-кристалл принадлежала миру Уайялы. А значит, как она могла рассказывать Ялу о его мире? Это был какой-то замысловатый обман. Он иногда совпадал с его, Яла, смутными воспоминаниями — и тогда становилось совсем худо, потому что обман распространялся и на них. У Яла начинали дрожать руки, грани смещались, строчки смешивались, и Ял приходил в еще большее отчаяние.

— Сделай мне другую книгу, — просил он.

Но Уайяла только качал головой.

— У тебя уже есть книга, — говорил он.

— Зачем нужна книга, в которой ни одной истории нельзя прочитать до конца?

— Что такое конец? — спрашивал Уайяла. — Не понимаю слова.

— Послушай. Есть история. У нее есть начало и конец. Есть другая история — у нее другое начало и другой конец. Каждая книга — это какая-то история. Одна книга — одна история, всегда одна и та же.

— Есть книги, в которых написано всегда одно и то же?

— Да.

— Как?

— Одними и теми же словами.

Уайяла пожимал плечами и терял интерес к разговору.

— Во всех на свете книгах написаны всегда одни и те же слова, — заметил он. — Значит, в каждой книге написано абсолютно все.

— Нет. Сегодня, когда я начал читать — там была история про медвежонка, который сочинял стихи. Потом ты позвал меня обедать. И когда я вернулся, там была уже совсем другая история — о женщине, прилетевшей на зонтике. Ты хочешь сказать, что это одна и та же история?

— Я хочу сказать, что в книге написано все. То, что ты в ней читаешь в данную минуту — это далеко не все, что в ней написано.

— Я хочу знать, чем закончились приключения медвежонка. Как мне это сделать?

— Прочитать всю книгу, — отвечал Уайяла.

У книги Яла было множество граней. Ее можно было читать всю жизнь — и не прочитать никогда. Однажды он наткнулся в своей книге на историю о мальчике, который хотел сложить из льдинок слово «вечность». Но кто-то вмешался и не позволил ему этого сделать — у Яла от волнения дрогнула рука и новая грань выкинула его под парусом в открытое море.

— Нам пора, — сказал Уайяла.

— Ну, пожалуйста, еще минутку, — взмолился Ял.

Уайяла покачал головой.

— У нас мало времени, — сказал он. — Мы должны успеть дойти до холмов.

Ял чуть не плача поднялся на дрожащие ноги. Ну как можно быть таким упрямым? Ведь Уайяле стоит только пожелать — и они будут в ту же секунду у подножья холмов! Вместо этого он, Ял, едва переводя дух, будет плестись следом за своим проводником и прибавлять шаг всякий раз, как Уайяла будет оглядываться на него через плечо. А у Яла, аж в глазах темнеет — так ему нехорошо!

Он решил сделать последнюю попытку.

— Уайяла, я, кажется, заболеваю, — жалобно произнес он.

Уайяла кивнул, но шаг не замедлил.

— Поэтому нам надо поспешить, — ответил он.

Ял только вздохнул и попытался обращать поменьше внимания на тепыхающуюся где-то в районе гортани сердце.

Холмы обступили их внезапно. Даже для Яла, привыкшего к мгновенным сменам пейзажа, это было неожиданно — холмы только что таившие в сумерках на горизонте — такие же далекие, как и с утра — вдруг кинулись прямо под ноги и Ял, не удержавшись, заскользил по обледеневшему склону. Уайяла, чуть согнувшись, упрямо карабкался вверх.

— Может, поищем местечко в долине? — предложил Ял.

Но Уайяла будто не услышал. Ял раздраженно вздохнул и пополз следом за ним к вершине.

Если бы меньше дрожали ноги, и перед глазами не плыло, он бы согласился — оно того стоило. С вершины холма открывался сказочный вид — холмы у дальнего края мира переходили в горы, мягкие очертания сменялись четкими ломаными линиями, и все это горело, подсвеченное снизу только что зашедшим солнцем, переливалось всеми оттенками красного, зеленого, синего и желтого. Только в глубоких прорезях ближних долин залегла густая чернота. С вершины холма мир Уайялы выглядел совершенным кристаллом, выращенным кем-то искусным. Кем-то, кто наверняка знал, как сложить из льдинок слово «вечность». Из-за медленной смены освещения кристалл казался живым — он дышал и двигался, по нему пробегала дрожь — от красного к лиловому, от желтого к охряному. Цвета становились все гуще и насыщеннее, по граням пробегали искры.

Уайяла опустился на колени, набрал пригоршню ледяной крупы и уткнулся в нее лицом. Ноги Яла подкосились, и он упал рядом. Восторг прошел, сменившись слабостью и тревогой.

— Уайяла, — жалобно произнес он, — я заболел.

Уайяла покачал головой, не отнимая рук от лица.

— Мне плохо, — настаивал Ял.

Уайяла наконец взглянул на него. Его холодные глаза горели в точности как ледяные вершины дальних гор. Ял ожидал, что Уайяла займется хозяйством. Создаст хижину. Хотя бы приготовит ужин. Но Уайяла стоял на коленях и смотрел на Яла мерцающими зеленоватыми глазами. Ялу стало здорово не по себе — он никак не мог истолковать этот взгляд.

— Ты должен кое-что пообещать мне, Ял, — сказал, наконец, Уайяла.

Ял нервно сглотнул — голос Уайялы звучал высоко и звонко, будто он говорил не с ним, Ялом, а со всем своим ледяным миром.

— Что?

— Я хотел бы увидеть твой мир.

Ял хмыкнул.

— Я сам бы хотел его увидеть, — проворчал он.

— Ты скоро увидишь его, — сказал Уайяла. — Пообещай.

— Запросто. Обещаю.

Тут его осенила догадка.

— Ты что, узнал, куда идти? — с замиранием сердца спросил он.

Уайяла покачал головой.

— Мне никуда не надо идти, — ответил он.

— Ты хочешь сказать, что дальше я пойду один?

Уайяла кивнул.

— Ты с ума сошел? Я же не умею преобразовывать лед! — закричал Ял.
— Ни шагу без тебя не сделаю!

Уайяла кивнул.

— Об этом я и прошу. Не оставляй меня.

— Можешь не сомневаться, — проворчал Ял.

— Вся надежда на тебя, Ял, — сказал Уайяла, словно не слыша его. — Лед хочет стать тобой.

Это «лед» было тем самым словом, которое Уайяла обычно употреблял как «я».

— Ты? — переспросил растерянно Ял. — Мной?

— Ты знаешь, как это делается, — сказал Уайяла. — Ты много раз это видел.

Он поднял с земли кристаллик льда и положил его себе в рот. Ял автоматически повторил это движение. Льдинка во рту оказалась колючим камешком. Ял погонял ее языком, вынул изо рта и зажал в кулаке.

— Не понимаю, — признался он.

— Когда я застыну, — сказал Уайяла, — сделай это.

У Яла подкатило к горлу. Это было то, о чем он не хотел догадываться. Или вспоминать — словно выдержки из учебника — о страшных туземных обычаях пожирать друг друга.

— Застынешь? — повторил он то, что не сразу достучалось до его сознания. — Застынешь?

Это было еще одно состояние льда, о котором они с Уайялой не говорили никогда. Уайяла употребил его только однажды — когда Ял чуть не умер с голода.

— Ты умираешь?

Уайяла кивнул.

— Но... Как же...

Ял едва не сказал «как же я» — но осекся.

— Я не умею, — наконец пробормотал он. — Как я смогу тебя съесть, если я не умею преобразовывать лед?

Уайяла пожал плечами.

— Для нас это единственный шанс, — ответил он. — Поэтому я жду твоего слова, Ял.

«Мы» — это было еще одно слово для обозначения льда, которое Уайяла употреблял почти так же часто, как и «я».

— Ваш шанс? — переспросил Ял. — Шанс на что?

— На жизнь, — просто ответил Уайяла.

Еще одно состояние льда. Ял закрыл глаза. Вся речь Уайялы была пересыпана льдом — почему он раньше не обращал на это внимания?

— Ты пришел в этот мир, — пояснил Уайяла. — И этот мир перестал быть тем, чем он был до твоего прихода. Чем дальше, тем меньше в нем нас.

Ял сжался в комок.

— Я все испортил? — спросил он.

— Ты все изменил, — ответил Уайяла.

— Зачем ты сохранил мне жизнь, если я разрушаю твой мир? — спросил Ял. — Зачем ты все это время со мной возился? Зачем вообще пришел ко мне?

— Я был нужен тебе, — ответил Уайяла. — У меня был шанс понять тебя. Научить тебя понимать лед.

— Но я так ничего и не понял, — выкрикнул Ял. — Я ничему не научился. Теперь я и сам умру, и твой мир уничтожу!

— Мир нельзя уничтожить, мальчик, — сказал Уайяла. — Его можно только изменить. Иногда достаточно просто посмотреть на него другими глазами. Я пришел и помог тебе выжить, потому что мне очень любопытно посмотреть твоими глазами.

— Ничего особенного, — пробормотал Ял. — Просто ледяная пустыня. Уайяла усмехнулся.

— Ты очень странное существо, Ял, — сказал он. — Мне будет очень интересно стать тобой. Ты выполнишь мое желание?

— Любой каприз, — проворчал Ял, снова сжимаясь в комок.

Уайяла начал готовить ужин. Судя по всему, сегодня он собирался закатить для Яла пир. Сам он, небось, ограничится поеданием льда. Зато Ялу будет мясной пирог, творожный пудинг и свежая земляника. Интересно, откуда ледяному Уайяле, никогда раньше в глаза не видевшему земляники, знать, какая она на вкус? А ведь в точности такая, как он делает. Ял смотрел, как Уайяла колдует над кристаллами, и едва не плакал от обиды и страха. Уайяла умрет. И он, значит, тоже. Потому что некому станет готовить еду. А есть этот мертвый лед он не сможет — пробовал уже. Да и никто не смог бы — потому что он мертвый. Уайяла умеет превращать мертвый лед в живой. Но он скоро сам станет мертвым. А он, Ял, только что дал ему слово съесть его. Дал слово! Это проще простого — сказал и все.

— Ял, — услышал он голос Уайялы, — Ял, мне бы очень хотелось знать...

А как мне бы хотелось знать кое-что, — с тоской подумал Ял.

— Это недостойное любопытство, — с некоторым колебанием продолжал Уайяла. — Но я могу тебе это сказать: мне очень хотелось бы знать, каким будет твое имя.

— Имя?

— У тебя должно появиться имя. Ты больше не можешь именоваться просто ялом.

«Ял» в речи Уайялы тоже было состоянием льда — молодого, едва оформившегося в кристалл.

Какие глупости, — подумал Ял. — Какая разница, как будут звать существо, которое долго не протянет?

— Не все ли равно, — произнес он вслух. — Ну, скажем, назовем меня Угуком.

Уайяла покачал головой. Ял почувствовал приступ головокружения и страшную усталость. Не его это была слабость — Уайялы, который изо всех сил старался растянуть свои последние минуты рядом с Ялом.

— Ты не можешь сам дать себе имя, — сказал Уайяла, укладывая на ледяное блюдо очередную ягоду земляники. — Никто не может.

— Интересно, кто мне его даст, если я останусь тут один?

— Один, — повторил Уайяла. — Не понимаю слова.

Ял пожал плечами.

— Кто помешает мне и дальше называться Ялом? — спросил он.

— Это имя принадлежит другому миру. Тому, который закончится вместе со мной.

— Уайяла, прости, конечно, но все, что ты сейчас говоришь — не имеет смысла, — собравшись с духом, решительно произнес Ял. — Когда этот мир закончится — я закончусь вместе с ним.

Уайяла поднял голову и посмотрел ему в глаза.

— Нет, — он покачал головой. — Ты не лед.

Потом они молча ели. Ял ел медленно, клал в рот по одной ягодке и ждал, когда она сама растает на языке и стечет в горло сладкой каплей. Он тоже тянул время — как мог. Время этого мира его не слушалось — это было время Уайялы. Но он все равно тянул — на всякий случай, вдруг подействует. Он брал с ледяного блюда ягодку за ягодкой, выбирая их в определенном порядке. Интересно, если ему удастся найти комбинацию этих сладких ледышек, соответствующую состоянию льда, обозначенного словом «вечность» — может, тогда время вовсе остановится и Уайяла не умрет?

Он увлекся своими изысканиями. Уайяла не прерывал его — он стоял на коленях, спрятав лицо в пригоршню льда. Ягодки, которые выбирал Ял, были немного разной формы и чуть-чуть отличались на вкус. Ял мог сказать точно, какая зрела на солнце, а которая — под листком, которую сорвали в ложине, а какая росла на вершине сухого холма, поросшего соснами.

А потом ему стало холодно. Это ощущение поразило его — он даже забыл о землянике и вечности. Он поднял голову и увидел Уайялу. Вернее, это уже не был Уайяла — это была скульптура, вылепленная из мелкой ледяной крошки. Она постепенно осыпалась, теряла сходство с Уайялой, превращалась просто в кучу ледяной пыли.

У Яла перехватило дух. Он понял: то, что он обещал сделать — надо сделать прямо сейчас. Потому что еще через миг Уайяла развеется, смешается со своим миром — который, возможно, тоже он, но Ялу это никак не подходило. А еще ему становилось холоднее и холоднее. От этого холода перехватывало горло, и он даже не мог заплакать.

Ял протянул руку и взял первый попавшийся кристаллик. Обычный осколок льда — твердый, острый, не теплый и не холодный. Ял зажмурился и сунул его в рот. Кристаллик уколол язык и Ял пожалел, что не выбрал что-то помельче — этот ему было ни за что не проглотить. А разжевать здешний лед не легче, чем кусочек гранита. Но и выплюнуть его он не решился. Он стоял на коленях перед ледяным прахом Уайялы и думал, как поступить. Думать надо было быстро — он уже совсем замерз. Но, как ни странно, холод, который его сковывал, исходил не от ледника, на котором

Ял сидел, не от холмов, вообще не от ледяного мира. Он шел изнутри. Ял не знал, как ему спастись — ведь от себя никуда не денешься. Если бы он, как Уайяла, мог хотя бы чуточку себя изменить...

Кристаллик перестал колоть язык. Его грани сгладились, и теперь он напоминал обычную сосульку — Ял грыз такие давным-давно, совсем в другом мире. Через минуту льдинка во рту растаяла. Ял судорожно глотнул чистую воду. Потом, поколебавшись, набрал полную пригоршню ледяной крошки, еще недавно бывшей Уайялой, и уткнулся в нее лицом. Через несколько секунд лицо стало совершенно мокрым — то ли от слез, то ли от тающего под ними льда. Вода потекла между пальцев на землю. Ял поднял голову и увидел, как почти черные горы на фоне темно-синего неба теряют четкость линий, сглаживаются и оседают, словно сугробы под лучами весеннего солнца. Он снова набрал пригоршню мокрого месива и уткнулся в него лицом. А когда в ладонях ничего не осталось, он просто лег на землю, раскинув руки, прижался к огромной, размером со Вселенную, груди Уайялы, закрыл глаза и принялся ждать, когда отступит холод.

Земля под его щекой была теплой и мягкой. Молодые травинки щекотали лицо, лезли в нос. Какой-то нахальный неповоротливый жук упал прямо ему в ладонь и задрыгал ногами. Он перекатился на спину и увидел прямо над собой огромное синее небо. Солнце едва миновало зенит и теперь упиралось теплым лучом в правую щеку. В траве и в кронах сосен на склоне холма гулял ветерок.

Он прикрыл глаза и принялся терпеливо ждать. Скоро внизу на краю луга среди вишен и яблонь появится дом. С невысокого крыльца в палисадник спустится женщина, на ходу вытирая руки дешевым белым полотенцем. Она окинет нетерпеливым взглядом луг и, увидев мальчишку, растянувшегося в траве у самой вершины холма, провозгласит на весь этот молодой мир его новое имя.